

Нарцисс Шукуралиева

Национальные мифы и политическая практика в странах Центральной Азии

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

национальные мифы, Центральная Азия, авторитаризм

Распад Советского Союза поставил перед новообразующимися государствами ряд задач. Лишь некоторые из них имели технократический характер проектов с четкими целями и инструментами их реализации, как это имело место в попытках введения свободного рынка или институций, напоминающих либеральную демократию. Важным было также воссоздание системы образов, которые легитимизировали бы национальное государство, формировали общественную солидарность, сплотили данную государственную структуру, сети общественных групп и территорию в единое целое. После обретения независимости правящая элита республик Центральной Азии обратилась к символическим ресурсам этнического прошлого региона. В реинтерпретации истории народа важную роль играли мифологические модули, позволяющие строить повествования о происхождении народа, формировании государства и его «золотом веке». Каждая республика обращалась к собственным наборам символов, с помощью которых конструировала представления об истории региона. Поэтому, ссылаясь на одни и те же политические, исторические и культурные события, они выбирали разные предпосылки и конструировали различные интерпретации событий минувшего времени. В результате возникали противоречивые версии прошлого одного и того же региона, а иногда даже нации¹.

¹ C. Flood, *Political Myth: A Theoretical Introduction*, New York 2002, с. 157–159; A. Smith, *Nacjonalizm. Teoria, ideologia, historia*, Warszawa 2007, с. 51–54; П. Шозимов, *Переос-*

Мифы о происхождении играли важную роль в формировании и поддержке национального сообщества. Существенная роль отводилась, однако, не конкретному историческому факту, а вере в существование общих корней². С одной стороны, такой миф указывал на коренной характер предков и их первичность на занимаемой территории, что позволяло обосновывать присутствие на этих землях их потомков. С другой стороны, отсылая предков в как можно более древние времена, миф подтверждал бесспорность исторического наследования земель титульной нацией³.

В случае государств Центральной Азии поиски подходящего происхождения направляли к тем же самым источникам. Предками современных таджиков, туркменов, казахов, кыргызов и узбеков должны были быть автохтоны из раннего железного века, например саки и массагеты. Соперничество за исключительное право быть их потомками в особенности усилилось после получения независимости и образования национальных государств. В ситуации с таджиками притязания были обоснованы лингвистическими критериями. Указывая на ираноязычность древних коренных жителей, они представляли себя в качестве прямых и подлинных преемников их наследия. Учебники по истории Таджикистана начинались материалами о древних ариях, которые в официальном повествовании репрезентировались культурными предками⁴. По инициативе президента Э. Рахмона 2006 г. был объявлен «Годом арийской цивилизации». В том же году также праздновали 2700-летие города Куляб и был организован шестой Всемирный съезд таджиков и персоязычных народов мира. По этим поводам было проведено много политических, культурных и научных мероприятий, в которых подчеркивалась арийская основа таджикской нации.

Тюркоязычные государства Туркменистана, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана с древним предком должны были объединять кровные узы. В соответствии с национальным мифом ираноязычная популяция, которая в далеком прошлом смешалась с пришлым тюркоязычным населением, была основой в формировании современной нации. Другие версии мифа указы-

мыслие символического пространства узбекской идентичности, «Этнографическое обозрение» 2005, № 2, с. 64–68.

² A. Smith, *Kulturowe podstawy narodów*, Kraków 2009, с. 61–64.

³ В.А. Шнирельман, *Полезные мифы? Школьные учебники истории и национализмы в Центральной Азии и на Кавказе*. Доклад на семинаре Войны памяти? Взаимосвязь школьных учебников и конфликтов в Центральной Азии, на Южном Кавказе и в Молдове в постсоветский период, проведенном Институтом им. Георга Эккерта по международным исследованиям школьных учебников, Брауншвейг (Германия), 13–17.07.2009.

⁴ Например, Ю. Яъкубов, *Таърихи халқи тоҷик. Ибтидои асрҳои миёна. Китоби дарсӣ барои синфи 6*, Душанбе 2001.

вали на присутствие тюркоязычных групп среди древних автохтонов. Иные версии мифа о происхождении конструировали прошлое народа с помощью установления связи всех древних местных жителей с «тюркскостью». Однако в каждом из этих случаев предки были представлены как коренные независимо от того, назывались ли они арийцами или тюрками. В Казахстане, например, сакский воин – Иссыкский золотой человек – стал одним из национальных символов. Его изображение было на почтовых марках⁵, на коллекционных монетах⁶ и на штандарте президента. А в честь обретения независимости в 1996 г. в Алматы на центральной площади был открыт тридцатиметровый монумент, увенчанный изображением сакского воина на крылатом барсе⁷, копии которого вскоре были возведены в других городах Казахстана. Широкое присутствие саков в современной национальной символике укрепляло их роль как первоначала великой истории казахов, которая привела к строительству собственного независимого государства⁸. На тех

⁵ Алтын сарбаз (Золотой воин). Первая марка Республики Казахстан. Серия «Сокровища национальных музеев» 20.03.1992, №1. 0-50; Государственные символы Республики Казахстан, 22.12.2005, № 538 70-00; Строительство газопровода в Средней Азии, 30.12.2009, № 690 25-00; 20 лет первой казахстанской марке. Серия «Памятные, юбилейные даты и праздники», 4.04.2012, № 769 50-00, Почтовые марки Республики Казахстан, <http://www.kazpost.kz/tu/pochtovye-marki-respubliki-kazahstan>, 4.01.2014.

⁶ См., например: Памятная монета, посвященная 5-летию независимости Казахстана 1996 г. Номинал 20 тенге; Юбилейные монеты, посвященные 10-летию независимости Казахстана 2001 г. Номинал 500 и 5000 тенге; Монета из серии «Архитектурные и исторические памятники», «Алтын Адам» 2001 г. Номинал 1000 тенге; Монета из серии Достояние Республики, «Иссыкский вождь» 2011 г. Номинал 500 тенге. Казахстанский Монетный Двор Национального Банка Республики Казахстан http://www.kmd.kz/products1_2.htm, 4.01.2014.

⁷ Монумент Независимости Казахстана был открыт по инициативе президента Нурсултана Назарбаева.

⁸ Согласно мнению сотрудника Института истории Академии наук Узбекистана Шамсиддина Камолиддина важнейшим элементом этногенеза узбеков были тюркоязычные автохтоны. На более поздних стадиях развития в их состав вошли как соседние (протоугорские и протоенисейские), так и пришлые ираноязычные (индо-арийские) и тюркоязычные (кочевые) этнические компоненты. В результате смешения различных этнокультурных традиций предки узбекского народа выступали под разными названиями, которые изменялись порой до неузнаваемости, но, несмотря на это, в них всегда присутствовал первоначальный тюркоязычный субстрат. По утверждению Ш. Камолиддина, кочевые узбеки были последним пришлым элементом этнической истории узбекского народа. Однако они сами не имели большого значения и, соответственно, не внесли ничего нового в процесс формирования нации. Более того, вливаясь в состав древнего оседло-земледельческого коренного тюркского населения, они должны были принять его язык, приобщиться к его высокой культуре. Память о минувшем политическом господстве узбеков-кочевников из Дашти-Кипчака, по словам исследователя, выражалась исключительно сохранением этнонима «узбек», который после национально-территориального размежевания 1924 г. стал определять все оседло-земледельческое тюркоязычное население Средней Азии. Подр. см.:

же самых предков, как на способствующих легитимизации титульного, т.е. коренного, этноса, претендовали в Узбекистане. Президент Ислам Каримов решительно выступил в защиту именно такого происхождения своего народа:

«Вот уже исполнилось три тысячи лет со времени создания нашей священной древней рукописи «Авеста». Эта уникальная книга является духовным, историческим наследием, оставленным грядущим поколениям от наших предков, живших 30 веков назад на этой прекрасной земле между двух рек. «Авеста» – это исторический документ, свидетельствующий также и о том, что в этом древнем крае существовало великое государство, великая духовность, великая культура. И этот факт никто не может отрицать. Однако, как было сказано, я не знаю, чтобы какой-либо иностранный журналист или вообще западный писатель упоминал об «Авесте». Отсюда можно сделать вывод, что большинство суждений, высказываемых в дальних странах, о прошлом нашего народа, страны, являются ложными, антинаучными»⁹.

Мифы о происхождении подтверждали присутствие предков и, следовательно, давали титульному народу право на их современную территорию. Вызывающие разногласия вопросы были следующими. Кому на самом деле принадлежат степи: русским, казахам – а может быть, казакам? Чьей колыбелью являются Самарканд и Бухара: узбекской или таджикской? Историография каждого из новых государств Центральной Азии давала ответы в соответствии со своей национальной легитимационной формулой. Это позволяло не только обосновывать притязания на территорию, но и укреплять связь народа с данной землей. Согласно А. Смит достигалось это, с одной стороны, посредством натурализации этнической истории и восприятием истории как части окружающего ландшафта и его ресурсов. С другой стороны, натуральная среда и природа, поддаваясь историзации, становились неотъемлемой частью прошлого и развития этноса. Данный двусторонний процесс, формируя привязанность коллективной памяти к конкретному ландшафту, закоренял «нацию» в его «родной земле»¹⁰.

Значение родины связано с идеей «священной территории», согласно которой обычная земля в силу того, что «видела» шаги пророка, святого или предков, «слышала» их учения, начинала выделяться из окружающей местности и приобретала свойства священной¹¹. Рассматривая историю Казахстана как историю казахов, президент Н. Назарбаев неоднократно повторял:

Ш. Камолиддин, *О понятии этногенеза в «Этническом атласе Узбекистана»*, «Этнографическое обозрение» 2005, № 2, с. 53–54; В.А. Шнирельман, *Полезные мифы?*; В.А. Шнирельман, *Арийцы или тюрки? Борьба за предков в Центральной Азии*, «Политическая концептология» 2009, № 4, с. 192–212.

⁹ И. Каримов, *Без исторической памяти нет будущего*, [в:] И. Каримов, *Свое будущее мы строим своими руками*. Том 7, Ташкент 1999, с. 128–151.

¹⁰ А. Smith, *Kulturowe podstawy...*, с. 64–65.

¹¹ Там же.

«Наши предки защищали и передали нам в наследство огромную территорию нынешнего Казахстана, самобытную культуру и особый дух восприятия и познания жизни. Этот дух свободолобия и степной доблести не был растрачен на крутых переломах истории, его сумели сохранить предыдущие поколения, на долю которых выпали невиданные испытания. Каждое из них выполнило свою историческую миссию. На рубеже XIX–XX веков великий Абай проторил дорогу в большой мир и разбудил плеяду титанов Алаш-Орды. Те, в свою очередь, сумели высоко поднять самосознание народа и сформулировать идеи, позволившие казахам подняться из среды отсталости и исторического забвения»¹².

К аналогичной риторике обращался также президент И. Каримов. По его словам, узбеки испокон веков жили на территории современного Узбекистана, а Самарканд, Бухара и Хива всегда принадлежали узбекам¹³.

Образы прошлого должны были представлять момент создания и этапы развития государственности. Согласно новой интерпретации 20-30 годы XIX века не были временем формирования центральноазиатских *национальных* республик. Представлялись они, вернее, как один из этапов государственного строительства, существовавший уже в глубокой древности. Эти государства на протяжении всей своей истории должны были проходить периоды процветания и развития. Поэтому применение термина «возрождение» показывало, что государство всего лишь открывало свою собственную былую славу. Ссылки на него в настоящее время и установление его отношений с современным состоянием предполагают, что кризисный переходный период естественным образом закончится реституцией вечной славы.

Обычная мифологизация истории, а также новые интерпретации исторических источников и проводимые исследования должны были доказывать естественный характер и аутентичность современных государств Центральной Азии. Авторитарная система, а следовательно, ограниченный, в некоторых случаях даже полностью отсутствующий плюрализм и политические свободы функцию науки сводили к подтверждению предварительно поставленных тезисов. В этом отношении в Узбекистане стратегически важную роль имела археология. Ее особый статус определялся тем фактом, что только она могла подтвердить и объявить вечное присутствие узбеков на занимаемой ими ныне территории и соединить их с цветущими сельскохозяйственными

¹² Н.А. Назарбаев, *К экономике знаний через инновации и образование*. Из лекции в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева. Астана, 25.05.2006, [в:] *Президент Н.А. Назарбаев и современный Казахстан*. Сборник документов и материалов в трех томах. Том I: *Н.А. Назарбаев и социально-экономическое развитие Казахстана*, Алматы 2010, с. 186–187.

¹³ И. Каримов, *Без исторической...*, с. 128–151.

цивилизациями мифической Бактрии и Согдианы. Наконец, научно обоснованная этнический, политический и лингвистический континуум узбеков, этнология санкционировала не только вечность народа, но и его национальную идентичность, существовавшую уже в глубокой древности¹⁴. Так, президенту И. Каримову принадлежат следующие слова: «Государственность в настоящее время является важным политическим вопросом. Ибо еще существуют силы, которые через третьи лица ведут пропаганду, что в Узбекистане не было государственности, пытаются внедрить эту мысль в наше сознание и даже уверить в этом международную общественность. И вы думаете, что среди таких подстрекателей нет людей, которые мечтают любым путем вернуть нас в бывший СССР? Основная задача узбекских историков сегодня состоит в том, чтобы доказать необоснованность таких утверждений, создать историю нашей государственности, основанную на научной точке зрения»¹⁵.

Это повествование, придавая национальной истории священный статус, вводило двухполюсную логику и четко демаркировало границы между узбеками и их врагами, временем свободы и рабства, истиной и ложью.

Многослойная кочевническо-оседлая и скотоводческо-земледельческая идентификация узбекских предков не соответствовала официальному видению прошлого, в котором не было места для кочевников. Кроме того, потомкам кочевников труднее было доказать право своего этноса на занимаемую им территорию. Не оставили они после себя ощутимых материальных следов деятельности, которые свидетельствовали бы в пользу идеи многовековой истории государственности. В этом смысле привлекательнее было быть потомком оседлого предка, так как легче было обнаружить следы земледельцев и ремесленников. Их культурное наследие, архитектура, искусство, ремесло, оставленные письменные труды были гораздо более выразительным доказательством присутствия. Более того, приписываемые им памятники культуры занимали строго ограниченную площадь, которая считалась законной собственностью их потомков, что, в свою очередь, подкрепляло доводами существование национального государства. Поэтому в то время как оседлые предки находили признание, присутствие кочевых предков в узбекском прошлом затуманивалось.

Неприязнь к кочевому компоненту прошлого усиливало также популярное в Узбекистане колониальное мышление, приводившее к провозглашению цивилизационного превосходства оседлых народов над кочевыми. Оседлым предкам приписывалось все культурное и материальное наследие региона,

¹⁴ М. Ларюэль, «*Этнический атлас Узбекистана*» в контексте современного институционального положения постсоветской узбекской этнологии, «*Этнографическое обозрение*» 2005, № 2, с. 56–60.

¹⁵ И. Каримов, *Без исторической...*, с. 128–151.

в то время как кочевники представлялись как не имеющие ни земли, ни государства. Эти определения, будучи продуктом власти, знания колониальной системы, обуславливали перспективу интерпретации истории и народа Центральной Азии во времена Российской империи¹⁶. Модифицированная в соответствии с идеологическими требованиями нового режима, логика доминировала и в советские времена, когда принудительное оседание кочевников и создание колхозной системы объяснялись коммунистической цивилизаторской миссией и освобождением угнетенных масс. В соответствии с этой логикой именно с приходом советской власти безземельные кочевники могли получить не только землю, но и государство.

Иное видение прошлого конструировали власти в Кыргызстане. Делая упор на постколониальную реабилитацию кочевничества, они его слабые стороны обращали в достоинства. В этом случае недостаток материального наследия не действовал в качестве ограничивающего фактора, а наоборот, выступал как возможность формирования повествования о прошлом. Таким образом, идеологи представляли разнообразные, не ограниченные источниками рассказы о многовековой истории кыргызской государственности. Основные тезисы истории древней государственности кыргызов президент Аскар Акаев черпал из труда китайского историка Сыма Цяня «Исторические записки», созданного между 109 и 91 гг. до н.э. Ссылаясь на этот труд, он инициировал празднование 2200-летия кыргызской государственности¹⁷. Юбилейные торжества, проведенные в августе 2003 г. на центральной площади столицы, начались с военного

¹⁶ Европейские и российские путешественники, разведчики и ученые, посещавшие Центральную Азию еще до большевистской революции, рассматривали местное население сквозь призму разделения «кочевник/оседлый». Упрощая более сложную, имеющую свои нюансы реальность (например, часто умалчивая о кыргызском или казахском земледелии и ремесленничестве) и накладывающиеся друг на друга идентичности, они однозначно классифицировали одних как кочевые народы, а других – как оседлые. Это разделение, постепенно модифицируя прежние, местные формы самоидентификации центральноазиатского населения, становилось важной частью национального самоопределения. См., например: Н.Д. Зеланд, *Киргизы: этнологический очерк*, Санкт-Петербург 1885, с. 76; *Россия. Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга. Туркестанский край*, Т. 19, под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского, сост. В.И. Масальский, Санкт-Петербург 1913, с. 389.

¹⁷ Ссылаясь на Сыма Цяня, А. Акаев утверждал, что «в 201 г. до н.э. хуннский правитель Модэ-шаньюй добился покорения и присоединил к своему государству – в числе других – «Владения Кыргыз». По словам президента, слово «покорение» означало, что у древних кыргызов существовала система, которую историки могут классифицировать как государство. Оно объясняло способность противостояния внешним угрозам, которую показывали кыргызы. По инициативе А. Акаева Генеральная Ассамблея ООН объявила 2003 г. Годом 2200-летия кыргызской государственности. См. Resolution adopted by the General Assembly [on the report of the Second Committee (A/57/531/Add.3)] 57/248. *Year of Kyrgyz Statehood*, 78th plenary meeting, 20 December

парада. Потом зрители могли увидеть театрализованное представление из истории кыргызского народа. Завершением праздничного мероприятия была демонстрация представителей предприятий Бишкека. На вечер власти подготовили большой фейерверк и салют на горе Байтик¹⁸.

Очередной создаваемый властями миф опирался на положительное, иногда даже восхваляемое воображение картины прошлого. В мифах о «золотом веке» прошлое является временем, когда народ переживает свое политическое и военное развитие или является богатым и может похвастаться передовыми интеллектуальными и художественными либо религиозными и духовными достижениями. Миф о «золотом веке» являлся одним из самых ярких и привлекательных для воображения образов этнического прошлого. Обращение к нему было логическим продолжением анализируемой выше этнической мифологизации процессов государственного строительства в древности.

Государства Центральной Азии, пытаясь соединить родственные, древние народы под собственным покровительством и включая их в повествование о собственной государственности, национализировали исторические свидетельства. Отмечались национальные праздники в память о минувшем могуществе и древнейшей государственности, писались книги и организовывались научные конференции. Новая власть – знание – путем организации структуры государственного управления и упорядочения символического пространства располагала всеми инструментами, необходимыми для конструирования новой национальной действительности. Мифы о героическом прошлом, великих предках и славе, кроме легитимизации актуально правящей власти, имели также важную компенсаторную функцию. Они были источником гордости и чувства национального достоинства, положительно влияли на самооценку, особенно важную в условиях, когда деградирующие остатки советской системы (инфраструктуры, пенсионного обеспечения, здравоохранения, образования, сельского хозяйства, промышленности и т.д.)

2002; А. Акаев, *Кыргызская государственность и народный эпос «Манас»*, Бишкек 2002, с. 16.

¹⁸ Характерным для государств Центральной Азии было использование обращений к великой славе в целях отвлечения внимания и/или затуманивания текущих решений, способствующих узурпации власти. Поэтому не были случайностью объявление 2003 г. Годом 2200-летия кыргызской государственности и организация связанных с ним празднеств. Этим событиям сопутствовало укрепление президентской власти. Параллельно с подготовками к юбилейным торжествам, несмотря на протесты оппозиции, был проведен референдум, на котором, кроме принятия президентской редакции конституции, было вынесено предложение о выражении поддержки Аскарму Акаеву, чтобы он мог «претворить намеченные положительные конституционные изменения в жизнь». См., например: *Киргизия празднует 2200-летие государственности*, «Кабар» 31.08.2003; Конституция Кыргызской Республики от 5.05.1993 (в ред. 2.02.2003 г.).

заменялись хотя и неэффективными, но тем не менее новыми институтами независимого государства. Таким образом, чувство гордости, которую должен был испытывать представитель одного из самых могущественных государств в мире (Советского Союза), пытались заменить равным по весу аналогом, найденным в прошлом и старательно восстанавливаемым в настоящем¹⁹. Так, например, былую таджикскую державность должна была подтверждать империя древнего Ирана. О величии узбеков свидетельствовала простиравшаяся от Черного моря до Индии империя Тамерлана (XIV–XV в.). В свою очередь, президент Туркменистана Сапармурат Ниязов в книге «Рухнама» рассказывал: «Свое летоисчисление мы ведем с эпохи родоначальника нации Огуз хана туркмена, жившего пять тысяч лет назад. В этот обозримый сегодня исторический период туркмены многократно являли миру свое истинное предназначение, создав великие материальные и духовные ценности, ставшие неотъемлемой частью древних цивилизаций от Индии до Средиземноморья. Только на своей земле они построили свыше 70 государств! Мировой славой овеяны такие как: Анау, Алтын-депе, Маргиана, Парфия, империя туркмен-сельджуков, государство куняургенческих туркмен»²⁰.

Идеализация национального характера в «Рухнаме» основывалась на его уникальной роли и миссии, служащей дополнением мифических воспоминаний о золотом веке. Согласно этим воспоминаниям туркмены выполняли лидирующую цивилизаторскую миссию, играли роль проводника культуры, были образцом эффективности военной деятельности, социальной интеграции и промышленного развития. Обладая исключительным характером и играя ведущую роль в истории, они всем остальным оказывали всевозможные благодеяния, ощущали гордость не только от своей выдающейся миссии, но и от уверенности в своем предназначении. В свою очередь, сознание, что преемники будут продолжать эту же традицию, должно было делать нацию бессмертной и вечной²¹. Возвращение к совместно переживаемому золотому веку было одной из главных целей туркменских властей. На практике это означало создание единства через повествовательные мотивы мифа о золотом веке, которые идеализировали и канонизировали прошлое. Мифические формулировки содержали также призывы, целью которых была активизация соотечественников, погруженных в тысячелетнюю летаргию. Их задачей было воспроизвести великие деяния выдающихся предков туркмен, чьим современным воплощением был, в свою очередь, сам Туркменбаши.

¹⁹ A. Smith, *Kulturowe podstawy...*, с. 66; I. Pańków, *Mity w działaniach politycznych*, «Studia Nauk Politycznych» 1982, № 5–6(59–60), с. 135–139.

²⁰ См. С. Ниязов, *Рухнама*, Ашхабад 2002, с. 10.

²¹ A. Smith, *Kulturowe podstawy...*, с. 189–190.

Строя повествование о прошлом великих завоеваний и сверхдержавы туркмен, власть пошла еще дальше, объявив XXI век золотым веком туркменского народа. В то время как в братских республиках приход потерянного золотого времени проектировали на неопределенное будущее, правление С. Ниязова было уже почти на их пороге. Такое распределение времени было тесно связано с сакральной легитимацией власти. В границах такой формулы президент имел якобы божественную силу, книга его авторства «Рухнама» была объявлена святой, а времена, в которые он правил, должны были быть сравнимы с раем. Современным эквивалентом древних «завоеваний» стало объявление государственного нейтралитета и созидательной, миролюбивой политики. В свою очередь, «державность» выражалась не только в признании международного сообщества, но в том числе и в «восхищении» туркменской политикой. Положительной, просто возносящей оценке прошлого отвечало подобное восприятие современной действительности²².

Мифологизацию прошлого народа сопровождало создание нового национального «фасада» авторитарного режима. В сильно персонализированных реалиях президенты, несмотря на официальное ограничение каденции, бессменно занимали свои посты. Красноречивы здесь примеры непрерывно правящих на протяжении более двадцати лет Нурсултана Назарбаева в Казахстане и Ислама Каримова в Узбекистане. Смена власти в регионе происходила путем естественной смерти (Туркменистан), гражданской войны (Таджикистан) или так называемой революции (в Кыргызстане до 2011 г.). Опиравшиеся на политическую и экономическую волю президентов правовые порядки сосуществовали с системой произвольных решений и дискреционным управлением страной.

Правовой основой формирующихся политических систем центрально-азиатских республик должны были стать новые конституции. По образцу западной модели демократии они провозгласили приоритетность прав человека, гарантировали частную собственность и утверждали принцип разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. Президент и депутаты парламента избирались на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, а их деятельность ограничивалась каденцией. Конституции содержали также ссылки на национальные мотивы. Парламент Кыргызстана приобрел название Жогорку Кенеш, Узбекистана – Олий Мажлис, Таджикистана – Маджлиси Оли, Туркменистана – Меджлис, в Казахстане одна из двух палат парламента – Мажилис²³.

²² D. Kertzer, *Rytuał, polityka, władza*, Warszawa 2010, с. 59; T. Edensor, *Tożsamość narodowa, kultura popularna i życie codzienne*, Kraków 2004, с. 34.

²³ Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 г. (в ред. 2.02.2011 г.).

Законодательные акты апеллировали к местным обычаям, например, п. 3 ст. 26 конституции Кыргызстана устанавливал, что уважение к старшим, забота о родных и близких являются священной традицией кыргызского народа²⁴. К национальным архетипам обращался также п. 2 ст. 71, в соответствии с которым первое заседание Жогорку Кенеша открывал старейший по возрасту депутат парламента²⁵. Однако правовые акты, переплетая национальные элементы с некоторыми компонентами западных систем, подгонялись под ожидания местных элит, а также изобретались и создавались свои собственные механизмы, облегчающие господство. Можно их рассматривать в трех плоскостях.

Во-первых, они полагались на национализацию идеи справедливого государства. Поэтому такие термины, как «собственный путь развития²⁶», подчеркивали, что государственное развитие опирается на местные ценности. Кроме того, демократические идеалы, понимаемые как вечное стремление народа или как происходящее от наследия предков, должны были иметь национальный характер. В Туркменистане, к примеру, параллельно с парламентом Меджлисом (до 2008 г.) функционировал высший представительный орган народной власти – Халк маслахаты (Народный Совет). По словам президента Гурбангулы Бердымухамедова, возник он не на пустом месте и был основан на глубокой народной традиции. Созывание представителей общества для принятия жизненно важных решений у туркмен имело тысячелетнюю историю²⁷. Однако преемственность, связывавшая Халк маслахаты с традиционными институтами совещания, включающими в себя наиболее уважаемых народных представителей, ограничивалось всего лишь внешней формой. Истинная же его роль заключалась в имитации воли туркменского народа и поддержании недемократической власти. Таким образом, на своем заседании в декабре 1999 г. Халк маслахаты, открывая возможность на пожизненное правление Сапармурата Ниязова, сделал его президентский срок бессрочным.

Во-вторых, установление взаимосвязи нации и политической системы было обусловлено присвоением власти концепции нации. Регулируя знание национальной истории, культуры и ценностей, он определял порядок доминирования в настоящем. В частности, в Узбекистане, хотя ст. 11 конституции и закрепляла принцип разделения властей²⁸, в то же время они должны были функциони-

²⁴ Конституция Кыргызской Республики от 5.05.1993 г. до 9.11.2006 г.

²⁵ Конституция Кыргызской Республики от 27.06.2010 г. Аналогичную формулировку содержала также ст. 52 таджикской конституции в ред. 2003 г. См. Конституция Республики Таджикистан от 6.11.1994 г. (в ред. 22.06.2003 г.).

²⁶ *Собственный путь развития*, Информационное агентство «Жахон» при МИД Республики Узбекистан, 5.12.2009.

²⁷ Г. Бердымухамедов, *Закон должен служить человеку*, <http://www.turkmenistan.ru/ru/node/24828>, 17.10.2008.

²⁸ Конституция Республики Узбекистан от 8.12.1992 г. (в ред. 18.04.2011 г.).

ровать в условиях неразрывной взаимосвязи. И. Каримов утверждал: «С особым удовлетворением хочу сказать еще одно: в других краях, и прежде всего в России, президент, правительство и парламент конфликтуют между собой, борются друг с другом за свой авторитет. Наши же высшие органы управления и власти выполняют свой долг перед народом в дружбе и согласии²⁹». В связи с чем идеал узбекского государственного развития, выражающийся в единодушии и единомыслии политических субъектов, не предусматривал конфликт как естественный компонент в общественных отношениях. Требуя слияния с официально принятой руководящей доктриной, такой вариант развития исключал какую-либо возможность критики или оппозиции правящему режиму.

В-третьих, все, что было критическим по отношению к господствующей реальности, было определено как «другой». Тот, кто не вписывался в сверху установленные представления о национально-культурных образах, понимаемых как одобрение статус-кво, мог стать подозреваемым или создающим угрозу для национальной безопасности. В пределах такой системы предположений акции протеста рассматривались не как исходящие из народа, но как имеющие связь с иностранными силами, революционерами, террористами и религиозными фундаменталистами. Вышеуказанные определения, организующие дискурсы безопасности в западных странах, особенно после 11 сентября 2001 г., в Узбекистане нашли чрезвычайно плодородную почву. За терроризм и антигосударственные акции был приговорен Верховным судом Узбекистана на 15,5 лет лишения свободы председатель оппозиционной партии «Эрк», известный поэт и главный соперник И. Каримова в президентских выборах 1991 г., Мухаммад Салих. Официальным свидетельством присутствия «других» были взрывы в Ташкенте (1999, 2004), в Бухаре (2004), события в Андижане (2005). Внушительное количество задержанных и арестованных должно было только обосновывать конфликтный потенциал региона и необходимость твердой руки в системе правления.

Подытоживая рассмотрение мифологизации прошлого в республиках Центральной Азии, можно сделать вывод, что в них воспроизводилась модульная структура, понимающая нацию как этническую общность. Эта структура включала в себя повествования о происхождении нации, основании государства и его «золотом веке». Центральноазиатские мифы о происхождении указывали на первичный и коренной характер предков и подчеркивали их самые древние черты. Таджики, доказывая свое прямое происхождение от автохтонов, указывали на ираноязычную преемственность. Тюркоязычные государства, в свою очередь, ссылались на узы крови или в более ради-

²⁹ И. Каримов, *Узбекистан – государство с великим будущим*, [в:] И. Каримов, *Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология*, Ташкент 1996, с. 123.

кальных случаях определяли взаимосвязь всех древних коренных народов с «тюрокскостью».

Мифы создания и развития государства также обращались к самым отдаленным эпохам, в которых многослойные, накладывающиеся друг на друга кочевническо-оседлая и скотоводческо-земледельческая идентичность местных народов и государств подвергались упрощению. В некоторых странах, пользуясь рамками колониального мышления, отказывались от элементов, свидетельствующих о присутствии кочевой культуры. Согласно этой логике, кочевники, рассматриваемые как разрушители городов и деревень, не имеющие земли и государства, применяющие грубую силу, не могли быть достойными предками современной нации³⁰. В других республиках, напротив, официальные образы прошлого опирались на постколониальную реабилитацию кочевничества. Здесь недостаток материального наследия становился ресурсом, открывая неограниченные возможности мифологизации длительной истории государственности.

В свою очередь, мифы о «золотом веке», посвященные времени высокого общественно-политического и экономического развития, формировали чувство гордости и национального достоинства. С одной стороны, момент национальной идиллии умещался в далеком прошлом, которое в соответствии с логикой национальной судьбы должно было вернуться в не столь отдаленном будущем. С другой стороны, современная действительность была объявлена золотым временем народа. Исходя из сакральной легитимации власти, президент приписывал себе божественную силу, а времена, в которые правил, сравнивал с раем.

Несмотря на то, что этноисторические мифы характеризовались отсутствием последовательности и внутренними противоречиями (а может быть, именно благодаря этому), они были сильным аргументом в пользу занятия достойного места в сообществе наций. Объясняя неизбежный распад СССР, они обосновывали формирование независимых государств в Центральной Азии. Национальное возрождение послужило также как источник убедительных доводов, доказывающий правильность авторитарного режима. Таким образом, регулируемая властями культура, обычаи и национальные ценности должны были служить сохранению власти. Касалось это как формирования административно-правового порядка, так и представлений о социальном поведении – следовательно, того, что, в частности, является подлинно узбекским, туркменским, кыргызским, казахским и таджикским.

³⁰ См. И. Каримов, *Без исторической...*, с. 128–151.

РЕЗЮМЕ

Целью данной работы являлся анализ отдельных аспектов этноисторических мифов в республиках Центральной Азии. Они касались модульных структур, понимающих нацию как этническую общность. Эти структуры образовывались повествованиями о происхождении нации, основании государства и его «золотом веке». Проанализированные в статье мифы не только объясняли неизбежный распад СССР и появление независимых государств в регионе, но и играли важную роль в обосновании авторитарных форм правления. Таким образом, определяемая властями культура, обычаи и национальные ценности должны были способствовать формированию соответствующего административно-правового порядка.

Narciss Shukuralieva

NATIONAL MYTHS AND POLITICAL PRACTICE IN CENTRAL ASIA

The purpose of this paper was to analyze selected aspects of the myths of the past in the republics of Central Asia. They constructed the model which understood the nation as an ethnic community. They formed a narrative about the origins of the nation, the state and the period of “golden age.” These myths not only claimed the inevitability of the USSR collapse and emergence of independent states in the region, but played an important role in the justification of authoritarian rule. Mythical assumptions pertaining to culture, customs and national values were designed to foster simultaneously the creation of appropriate administrative and legal order.

Key words: *national myths, Central Asia, authoritarianism*

Библиография

- C. Flood, *Political Myth: A Theoretical Introduction*, New York 2002.
- I. Pańków, *Mity w działaniach politycznych*, «Studia Nauk Politycznych» 1982, № 5–6.
- Resolution adopted by the General Assembly [on the report of the Second Committee (A/57/531/Add.3)] 57/248. *Year of Kyrgyz Statehood*, 78th plenary meeting, 20 December 2002.
- N. Shukuralieva, *Narodowa w formie, autorytarna w treści. Budowanie państwa w Azji Centralnej*, «Sprawy Narodowościowe. Seria Nowa» 2011, № 39.
- А. Акаев, *Кыргызская государственность и народный эпос «Манас»*, Бишкек 2002.

- Г. Бердымухамедов, *Закон должен служить человеку*, <http://www.turkmenistan.ru/ru/node/24828>, 17.10.2008.
- Н.Д. Зеланд, *Киргизы: этнологический очерк*, Санкт-Петербург 1885.
- Казахстанский Монетный Двор Национального Банка Республики Казахстан http://www.kmd.kz/products1_2.htm, 4.01.2014.
- Ш. Камолиддин, *О понятии этногенеза в «Этническом атласе Узбекистана»*, «Этнографическое обозрение» 2005, № 2.
- И. Каримов, *Без исторической памяти нет будущего*, [в:] И. Каримов, *Свое будущее мы строим своими руками*. Том 7, Ташкент 1999.
- И. Каримов, *Узбекистан – государство с великим будущим*, [в:] И. Каримов, *Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология*, Ташкент 1996.
- Конституция Кыргызской Республики от 27.06.2010 г.
- Конституция Кыргызской Республики от 5.05.1993 г. до 9.11.2006 г.
- Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 г. (в ред. 2.02.2011 г.).
- Конституция Республики Таджикистан от 6.11.1994 г. (в ред. 22.06.2003 г.).
- Конституция Республики Узбекистан от 8.12.1992 г. (в ред. 18.04.2011 г.).
- М. Ларюэль, «*Этнический атлас Узбекистана» в контексте современного институционального положения постсоветской узбекской этнологии*, «Этнографическое обозрение» 2005, № 2.
- Н.А. Назарбаев, *К экономике знаний через инновации и образование*. Из лекции в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева. Астана, 25.05.2006, [в:] *Президент Н.А. Назарбаев и современный Казахстан*. Сборник документов и материалов в трех томах. Том I: *Н.А. Назарбаев и социально-экономическое развитие Казахстана*, Алматы 2010.
- С. Ниязов, *Рухнама*, Ашхабад 2002.
- Почтовые марки Республики Казахстан, <http://www.kazpost.kz/ru/pochtovye-marki-respubliki-kazahstan>, 4.01.2014.
- Россия. Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга. Туркестанский край*, Т.19, под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанскаго, сост. В.И. Масальский, Санкт-Петербург 1913.
- Собственный путь развития*, Информационное агентство «Жахон» при МИД Республики Узбекистан, 5.12.2009.
- В.А. Шнирельман, *Арийцы или тюрки? Борьба за предков в Центральной Азии*, «Политическая концептология» 2009, № 4.
- П. Шозимов, *Переосмысление символического пространства узбекской идентичности*, «Этнографическое обозрение» 2005, № 2.
- Ю. Яькубов, *Таърихи халқи тоҷик. Ибтидои асрҳои миёна. Китоби дарсӣ барои синфи 6*, Душанбе 2001.